

Памяти адмирала Г. И. Невельскаго.

23 ноября 1813 ¹⁾—17 апрѣля 1876 г.

Великіе люди, на подобіе звѣздъ,
часто обращаютъ на себя вниманіе
только тогда, когда они затмимы.

И. Тэнъ.

Энергичнаго, отважнаго піонера русской цивилизаціи на Дальнемъ Востоку, смѣлой экспедиціей котораго на транспортѣ „Байкаль“ было положено основаніе приобрѣтенію Россіей мирнымъ путемъ Пріамурскаго и Южно-Уссурійскаго края, Геннадія Ивановича Невельскаго я знала уже адмираломъ, членомъ ученаго комитета морского министерства, предсѣдателемъ Петербурскаго отдѣленія русскаго торговаго мореходства.

Я помню его въ дѣтствѣ—въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Живо представляется мнѣ образъ этого человѣка съ свѣтлымъ умомъ, поразительной энергіей и силой воли и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно гуманнаго и добродушнаго. Небольшого роста, худощавый, съ открытымъ лбомъ, короткими сѣдыми усами и необыкновенно живыми, выразительными глазами. Онъ ходилъ быстро, говорилъ внятно, громко; всегда съ большимъ одушевленіемъ.

Жена его, Екатерина Ивановна ²⁾, раздѣлявшая съ мужемъ всѣ труды и лишения опасной, смѣлой экспедиціи на Амуръ—изящная, обаятельная подруга моей матери по Смольному институту ³⁾, была съ ней всю жизнь очень дружна. Ровесницы ея старшихъ дочерей—мы часто видѣлись.

¹⁾ На памятникѣ годъ рожденія обозначенъ 1814 г. *Ред.*

²⁾ Урожденная Ельчанинова.

³⁾ Выпуска 1848 г.

Семья Невельскихъ, состоявшая изъ него самого, Екатерины Ивановны, трехъ дочерей и малолѣтняго сына ¹⁾, жила въ то время въ концѣ Сергіевской близъ Таврическаго сада, и занимала правую половину бельэтажа, въ домѣ Ромулова ²⁾ (между двумя домами кн. Барятинскаго).

Хорошо помнится мнѣ, по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ, эта квартира. Небольшой залъ окнами во дворъ, просторная гостиная; полутемная, уютная съ однимъ угловымъ окномъ—столовая, изъ которой длинный коридоръ велъ во внутренніе апартаменты.

Мы посѣщали часто уроки танцевъ, которые преподавалъ извѣстный балетмейстеръ того время—знакомый всему Петербургу, И. Т. Стуколкинъ. Стоя въ дверяхъ столовой, съ заложенными за спину руками, Геннадій Ивановичъ съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ за продѣлываемыми всѣми нами (тогда еще подростками), затѣйливыми па, дѣлая при этомъ критическія замѣчанія, со свойственнымъ ему, добродушнымъ юморомъ, но особенно занимали его гимнастическія упражненія, продѣлывавшіяся нами подъ командой миниатюрной, съ военной выправкой, М-ше Ерундаевой ³⁾. Быстрыя, ловкія движенія, присѣданья, прыжки всегда забавляли адмирала.

На традиціонныхъ балахъ Морского корпуса (5 ноября), отличавшихся особеннымъ многолюдствомъ и оживленіемъ, Геннадій Ивановичъ чувствовалъ себя совсѣмъ дома. Онъ не присаживался ни на одну минуту. Его можно было видѣть то быстро поднимающимся на ютъ корабля—для привѣтствія дамъ, слѣдившимъ сверху за оживленными танцами, то бесѣдующимъ съ цѣлой группой моряковъ-сослуживцевъ, то подходящимъ къ молодежи, столпившейся возлѣ стѣнки. Помнится мнѣ, что однажды, разговарившій въ одной изъ оконныхъ нишъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ ⁴⁾

¹⁾ Ольга Ген. впоследствии замужемъ за Сорохтинымъ; Марія Ген. за Куколемъ, Александра Ген. за усманскимъ пр. дворянства Охотниковымъ, Николай Геннадьевичъ, сначала воспитавшійся въ Морск. кор., служившій въ Преображенскомъ полку.

²⁾ Въ домѣ Ромулова скончался какъ самъ Геннадій Ивановичъ, такъ и въ январѣ 1879—Ек. Ив.

³⁾ М-ше Ерундаеву, воспитанницу Николаевского института, рекомендованную нами—какъ и М-ше Бекендорфъ—типичную берлинскую нѣмку, жившую у Невельскаго и дававшую намъ уроки рисованія.

⁴⁾ Г. И. Невельскій преподавалъ Великому Князю морскія науки, совершалъ съ нимъ неоднократныя плаванія и пользовался особеннымъ расположеніемъ генераль-адмирала, цѣнившаго въ немъ рѣдкія достоинства ума и сердца.

Геннадій Ивановичъ, замѣтивъ, стоявшаго неподалеку, маленькаго кадетика, нерѣшительно теребившаго перчатку, прервавъ разговоръ съ Генераль-Адмираломъ, подошелъ къ нему: „Вижу, малышъ, что тебѣ танцовать хочется. Да храбрости у тебя, братъ, не хватаетъ. Подыщу я самъ тебѣ даму — по тебѣ“. И, взявъ его за плечи, подвелъ къ маленькой дѣвчкѣ въ пышномъ бѣломъ платьѣ, съ розовой ленточкой на курчавой, русой головкѣ. Продолжая прерванный разговоръ съ Его Высочествомъ, Геннадій Ивановичъ слѣдилъ глазами за танцующей парочкой. Маленькій кадетикъ оказался ловкимъ танцоромъ и такъ энергично крутилъ свою даму въ рока au rebours, что Геннадій Ивановичъ, приговаривавшій въ началѣ „ловко“, сжался надъ маленькой запыхавшейся дамой—„будетъ, довольно“, говорилъ онъ вслѣдъ своему протежѣ.

Стоявшимъ не подалеку гардемаринамъ онъ указывалъ на не танцующихъ, сидящихъ возлѣ родителей барышень, приговаривая: „танцуйте живѣй, веселѣй“.

Часто по утрамъ приходилось видѣть его идущимъ по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, направлявшимся къ мѣсту его служенія—Главному Адмиралтейству. По дорогѣ Г. Ив. часто останавливался для разговоровъ съ однимъ изъ встрѣченныхъ имъ знакомыхъ или продолжалъ путь съ кѣмъ-либо изъ моряковъ, оживленно разговаривая.

Онъ былъ горячимъ патриотомъ. Во время русско-турецкой кампаніи ¹⁾ семья Невельскихъ на личныя средства заготовляла и отправляла на театръ военныхъ дѣйствій бѣлье, бинты, перевязочныя средства для раненыхъ воиновъ. По средамъ собиралось у нихъ для работы многочисленное общество велико-свѣтскихъ дамъ и дѣвицъ.

Уютная столовая превращалась тогда въ настоящую швейную мастерскую. На большомъ обѣденномъ столѣ навалены были куски холста, бумажен, фланели и пр. Спѣшно кроилось бѣлье, заготовлялись бинты, щипалась корпія. Работа кипѣла—кто шилъ на машинѣ, кто закладывалъ рубцы, заготовляя, наметывая наскоро для прострочиванія на стоявшей въ концѣ стола Зингеровской машинѣ. Читались газеты, дѣлились новостями, получаемыми отъ родныхъ и знакомыхъ съ театра военныхъ дѣйствій; прочитывались письма изъ дѣйствующей арміи. Все готовое, сшитое передавалось Екатеринѣ Ивановнѣ, которая складывала, пересчитывала для отправки въ Общество Краснаго Креста.

¹⁾ Авторъ ошибается. Это происходило во время не русско-турецкой, а турецко-сербской войны, т. е. Г. И. Невельской умеръ въ началѣ 1876 г. Ред.

Геннадія Ивановича, возвращавшагося со службы и заставлявшаго большое дамское общество, очень интересовала работа добровольныхъ труженицъ; онъ поощрялъ ихъ усердіе и прилежаніе, приносилъ интересныя новости и тѣ маленькіе листки-телеграммы, которыми такъ бойко торговали на перекресткахъ улицъ газетчики и уличные мальчишки, неистово выкрикивавшіе сенсаціонныя новости, навязывая прохожимъ краткія афиши.

Геннадій Ивановичъ, какъ истинно русскій человекъ, былъ весь проникнутъ чувствомъ горячаго патриотизма. Онъ желалъ быть юношей, чтобъ въ ряду добровольцевъ принимать участіе въ кровопролитныхъ бояхъ.

Въ послѣдніе годы жизни Геннадій Ивановичъ серьезно болѣлъ и въ 1876 году скончался въ Петербургѣ и былъ погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Вдовѣ его Екатеринѣ Ивановнѣ ¹⁾ — тому вѣрному и неизмѣнному другу — нравственной поддержкѣ которой онъ приписывалъ успѣхъ своей отважной экспедиціи, принадлежитъ трудъ по собиранію матеріаловъ и изданію *Записокъ* ²⁾ Г. Ив., составляющихъ цѣнный вкладъ въ исторію русскаго мореплаванія и знакомящихъ съ подробностями той опасной, смѣлой экспедиціи, которая была предпринята имъ, съ рискомъ навлечь на себя гнѣвъ Государя Императора и тяжелую отвѣтственность передъ начальствомъ и правительствомъ за превышеніе уполномочій, полученныхъ имъ отъ Главнаго морского штаба.

Надо было обладать необычайной смѣлостью, несокрушимой силой воли, чтобы поставить цѣлью жизни — на основаніи научныхъ данныхъ, — совершить новое изысканіе въ опроверженіе доклада изслѣдователя подпоручика штурмановъ Гаврилова (въ 1846 г. на бригѣ „Константинъ“) о томъ, что входъ въ Амурскій лиманъ доступенъ только для судовъ 16 фут. углубленія, а дальнѣйшее плаваніе совершенно невозможно — послѣ того, какъ самимъ Государемъ Николаемъ I была положена революція: „Жалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ бесполезной — оставить. Лицъ, послывшихся на Амуръ, наградить“.

¹⁾ Екатерина Ивановна не долго пережила мужа. Она скончалась въ январѣ 1879 г. отъ крупознаго воспаления легкихъ и была погребена рядомъ съ мужемъ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря на дорожкѣ отъ Карамзинской церкви къ Громовской.

²⁾ Записки были изданы въ 1878 г. подъ редакціей Вахтина. Въ 1894 г. были изданы дочерью Г. Ив. подъ псевдонимомъ *Vera Vend Amiral Nevelskoy et la conquête definitive du fleuve Amour*.

Рискуя навлечь на себя гнѣвъ Императора, выразившагося однажды: „на что намъ эта рѣка, когда положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только лодки“, несмотря на не только несочувственное, но даже враждебное отношеніе высшихъ сферъ къ попыткѣ произвести новыя изысканія, Геннадій Ивановичъ, глубоко убѣжденный въ заблужденіи признанныхъ авторитетовъ, искалъ случая фактическаго отроверженія мнѣнія о несудоходности Амура и признаніи Сахалина полуостровомъ, прилегающимъ къ Азіатскому материку.

Капитаномъ-лейтенантомъ командиромъ транспорта „Байкаль“, которому поручена была доставка провіанта въ Петропавловскъ и Охотскъ, ему представилась возможность осуществленія завѣтной мечты.

Готовность оказать содѣйствіе въ проектѣ производства новаго изслѣдованія рѣки Амура, ея устья и лимана,—ему удалось встрѣтить во вновь назначенномъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскомъ. Составленная имъ инструкція, отправленная въ Петербургъ для Высочайшаго утвержденія, по независящимъ обстоятельствамъ не получалась такъ долго, что неустрашимый командиръ „Байкала“, со своимъ отважнымъ экипажемъ, тщетно прождавъ ее нѣсколько мѣсяцевъ, рѣшился за свой личный страхъ, съ рискомъ подвергнуть себя и подчиненныхъ строгой отвѣтственности¹⁾, 24 іюня 1849 года бросить якорь въ Амурскомъ лиманѣ.

Пройдя вдоль лѣваго берега Амура приблизительно верстъ 300 и опустившись къ устью его, Геннадій Ивановичъ убѣдился какъ въ судоходности его, такъ и въ основательности своего положенія, что между Сахалиномъ и материкомъ Азіи не существуетъ перешейка, какъ утверждали до него мореплаватели Лаперузъ, Крузенштерпъ и командиръ брига „Константинъ“—Гавриловъ, что Сахалинъ островъ отдѣльный отъ материка судоходнымъ проливомъ.

3-го сентября 1849 г. транспортъ „Байкаль“ прибылъ съ доносеніемъ въ Аянъ, резиденцію генераль-губернатора. Графъ Н. Н. Муравьевъ на катерѣ выѣхалъ ему навстрѣчу.

„Господь намъ помогъ... Сахалинъ островъ... Входъ въ рѣку Амуръ возможенъ для мореходныхъ судовъ — съ сѣвера и юга“, — радостно доложилъ Г. Ив. еще съ палубы.

¹⁾ На основаніи одной только полученной изъ Главнаго морского штаба — за подписью ея начальника Свѣтлѣйшаго князя Меншикова — краткой инструкціи, предостерегавшей его отъ отвѣтственности предъ правительствомъ въ случаѣ убытковъ казнѣ и неудачъ.

День 3-го сентября былъ, по словамъ Геннадія Ивановича, счастливѣйшимъ днемъ его жизни, возможность осуществленія завѣтной мечты вознаградила его за всѣ труды и лишенія, за ту тяжелую отвѣтственность, которой подвергала его безза-
вѣтная отвага.

Образованный въ Петербургѣ Амурскій Комитетъ, слѣдив-
шій за дѣйствіями Г. Ив., настолько неприязненно, враждебно
относился къ нему, что осторожный дипломатъ графъ Нессель-
роде ¹⁾ и горячій пылкій графъ Чернышевъ ²⁾ настаивали на
разжалованіи его въ матросы, за превышеніе полученныхъ имъ
уполномочій.

Императоръ Николай I по докладу графа Муравьева не
только не подвергъ его опалѣ, но, признавъ подвигъ его
патріотически-молодецкимъ, наградилъ его орденомъ Св. Вла-
димира 4-ой степени, съ которымъ Геннадій Ивановичъ ни-
когда не разставался, дорожа имъ гораздо больше, чѣмъ
всѣми полученными впоследствии звѣздами и знаками отличія.

6 августа 1850 г. былъ торжественно заложенъ первый
фортъ, названный въ честь Императора „Николаевскимъ“, и
на Амурѣ, этой далекой окраинѣ, побѣдопосно взвился впервые
нашъ Русскій флагъ.

Какъ администраторъ, Г. И. проявилъ много такта, умѣнья,
энергіи при заселеніи края. Надо было обладать его свѣтлымъ
умомъ, поразительной энергіей, чтобы дружеляльнымъ отноше-
ніемъ къ гилякамъ внушить къ себѣ такое довѣріе, такъ рас-
положить къ себѣ инородцевъ, что они, охотно принимая рус-
ское подданство, выражали ему, какъ могли, свою любовь и
преданность.

Заслугой Г. Ив. передъ родиной было присоединеніе къ
Россіи Пріамурскаго и Южно-Уссурійскаго края, и признаніемъ
р. Амура судоходной сокращено на 4.000 верстъ разстояніе
между Иркутскомъ и самымъ дальнимъ пунктомъ нашейokra-
ины Охотскомъ.

Подвигъ адмирала Невельскаго былъ оцѣненъ по заслугамъ.
Въ 1891 году въ Владивостокѣ былъ освященъ, воздвигнутый ³⁾
въ честь его, памятникъ. Въ одной изъ глубокихъ нишъ вы-
сокаго, величественнаго гранитнаго обелиска, увѣнчаннаго могу-
чимъ орломъ надъ глобусомъ,—помѣщенъ превосходно испол-

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ Министръ военный.

³⁾ Сооруженный на добровольныя пожертвованія свыше 10.000 т.,
планъ архитектора Антипова.

ненный бюстъ ¹⁾ его, а на массивныхъ доскахъ остальныхъ трехъ нишъ перечислены всѣ событія, относящіяся къ экспедиціи; начертаны милостивыя, знаменательныя слова Императора: „Гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ ужъ больше спускаться не можетъ“. Изображена корма транспорта „Байкалъ“ и перечислены всѣ участники экспедиціи ²⁾, всѣ сподвижники отважнаго смѣлаго командира.

Циркуляромъ Главнаго морского штаба отъ 17 ноября 1908 г. предложено сооружеііе, на добровольныя пожертвованія, новаго памятника адмиралу Невельскому, въ Николаевскѣ на Амурѣ ³⁾, въ знакъ признательности благодарнаго отечества „своему достойнѣйшему сыну“ (какъ гласитъ циркулярное распоряженіе управляющаго морск. министерствомъ).

М. Марина.

¹⁾ Верфеля въ Петербургѣ. Изъ темной бронзы—художественной работы поразительнаго сходства.

²⁾ Въ томъ числѣ жены Г. Ив.—Екатерины Ивановны Невельской, жены д-ра Орлова и пр., а также всѣхъ нижнихъ чиновъ экипажа „Байкала“.

³⁾ На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1856 г. былъ поднять тогда капитаномъ I ранга Г. И. Невельскимъ русскій военный флагъ и Приамурье фактически было объявлено принадлежащимъ Россіи.